УДК 821.161.1 + 821.113.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
76.02(4Шве)6

«ТРУДЫ ЕГО БУДУТ ЖИТЬ»: АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН НА СТРАНИЦАХ ШВЕДСКОЙ ПРЕССЫ (1960-е гг.)

© 2019 г. Т.В. Марченко

*Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 27 сентября 2018 г.

Дата публикации: 25 марта 2019 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-370-385

Аннотация: В минувшем году мир отпраздновал столетие А.И. Солженицына, однако многие источники по истории перевода и рецепции его произведений еще ждут введения в научный оборот. Кажется поучительным, в частности, пролистать центральные шведские газеты, ведь писатель стал нобелевским лауреатом в эпоху, когда пресса оставалась главной медийной силой. На страницах ведущих стокгольмских газет, «Дагенс нюхетер» и «Свенска дагбладет», имя Александра Солженицына появляется в конце 1962 г. в корреспонденциях из Москвы, сообщающих о поворотном пункте в советской литературе — выходе «Одного дня Ивана Денисовича». Среди шведских журналистов особенно стоит отметить Свена Вальмарка, признанного эксперта по советской России, критика и переводчика, который в отточенных формулировках представлял шведской аудитории повести Солженицына 1960-х гг. Но и публицистические выступления писателя, например, против цензуры, сразу становились известны и подробно разбирались в шведских газетах. Меньше чем за десятилетие на их страницах произошло превращение безвестного советского литератора в могучее явление мировой литературы и мировой политики. Акцент в обзоре, ограниченном датами первого упоминания имени Солженицына в шведской прессе и сообщения о присуждении ему Нобелевской премии по литературе в 1970 г., сделан на восприятии художественного творчества русского писателя.

Ключевые слова: Александр Солженицын, шведская пресса, 1960-е гг., Нобелевская премия по литературе, политика, перевод, рецепция, интерпретация.

Информация об авторе: Татьяна Вячеславовна Марченко — доктор филологических наук, заведующая отделом культуры российского зарубежья, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, 109240 г. Москва, Россия.

E-mail: tvmarch@mail.ru

Для цитирования: Марченко Т.В. «Труды его будут жить»: Александр Солженицын на страницах шведской прессы (1960-е гг.) // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 1. С. 370–385. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-370-385

“HIS WORKS WILL LIVE”: ALEXANDER SOLZHENITSYN IN THE SWEDISH PRESS OF THE 1960s

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2019. T.V. Marchenko
*Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad,
Moscow, Russia*
Received: September 27, 2018
Date of publication: March 25, 2019

Abstract: Last year the world celebrated the centenary of Alexander I. Solzhenitsyn. However, many sources on the history of translation and reception of his works are overlooked. It seems instructive, in particular, to flip through the central Swedish newspapers, because the writer became a Nobel laureate in an era when the press was the main media force. In the pages of Stockholm's leading newspapers, *Dagens Nyheter* and *Svenska Dagbladet*, the name of Alexander Solzhenitsyn appears at the end of 1962 in correspondence from Moscow highlighting a turning point in Soviet literature — the emergence of *One Day Out of Ivan Denisovich*. Among Swedish journalists, it is particularly worth noting Sven Walmark, a recognized expert in Soviet Russia, a critic and translator who introduced Solzhenitsyn's story to the Swedish audience of the 1960s in precise formulas. Solzhenitsyn's journalistic speeches against censorship also became immediately known and thoroughly referenced in Swedish newspapers. In less than a decade, an unknown Soviet writer grew into a powerful phenomenon of the world literature and world politics in their pages. The article makes emphasis on the perception of Solzhenitsyn's literary work in Sweden in the reviews ranging from the first mention of his name in the Swedish press to the coverage of the Nobel Prize in literature that was awarded to him in 1970.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, Swedish press, 1960s, Nobel Prize for Literature, politics, translation, perception, interpretation.

Information about the author: Tatyana V. Marchenko, DSc in Philology, Head of the Department of Culture of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Nizhnyaya Radischevskaya 2, 109240 Moscow, Russia.

E-mail: tvmonth@mail.ru

For citation: Marchenko T.V. “His Works Will Live”: Alexander Solzhenitsyn in the Swedish Press of the 1960s. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 1, pp. 370–385. (In Russ.) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-370-385

На протяжении 1960-х гг., после появления «Ивана Денисовича» и до присуждения Нобелевской премии, когда Солженицын, благодаря международному статусу награды, официально был признан первостепенной фигурой мирового литературного процесса, зарубежная пресса с интересом следила за новыми произведениями писателя, за его публицистическими выступлениями. Личность отчасти даже заслонила в Солженицыне писателя, и, затаив дыхание, мир наблюдал за борьбой одиночки против идеологического диктата одной из самых мощных мировых держав. О том, что и как происходило с восставшим писателем в Советском Союзе, известно по его собственным книгам, мемуарам, документальным источникам, научным трудам. Между тем зарубежные источники по рецепции творчества А.И. Солженицына введены в научный оборот далеко не полностью, хотя именно пресса была самой могущественной медийной силой той эпохи.

Документы архива Шведской академии, Нобелевский комитет которой присуждает литературную премию, откроются исследователю через пятьдесят лет хранения, и поэтому о том, как Александр Солженицын стал лауреатом этой самой престижной международной литературной премии, можно будет узнать лишь через два года. Имя непокорного советскому строю писателя до 1967 г. не фигурирует в архиве Шведской академии в списках номинантов на Нобелевскую премию. Однако юбилей писателя — повод заглянуть в Стокгольм накануне провозглашения лауреата 1970 г., пролистать подшивки шведских газет и увидеть писателя и советскую Россию эпохи «холодной войны» глазами скандинавских критиков и журналистов. По этим публикациям можно проследить, как

состоялось и шло знакомство шведской читательской аудитории, гуманитариев и творческой интеллигенции с произведениями Александра Солженицына. Газеты — эфемериды, одна сенсация молниеносно сменяется другой, но именно на газетных страницах запечатлены бесценные мгновения истории.

Хроника превращения неизвестного советского автора во всемирно прославленного нобелевского лауреата укладывается ровно в восемь лет. Имя Александра Солженицына, раз возникнув, мелькает все чаще и чаще, в разных контекстах, как литературных, так и политических. Только библиографический список всех материалов занял бы несколько страниц, поэтому в нашем обзоре мы обратимся лишь к двум центральным шведским газетам — «Свенска дагбладет» («Svenska dagbladet») и «Дагенс нюхетер» («Dagens nyheter»)¹ и остановимся лишь на некоторых публикациях, показавшихся нам наиболее интересными с точки зрения рецепции личности Солженицына и его творчества в Швеции.

На первой странице одного из номеров «Свенска дагбладет» поздней осенью 1962 г. появилось сообщение Ингмара Линдмаркера (Lindmarker) «Повесть о советском концлагере» (SD, 21.11.1962, s. 1). Шеф московского бюро газеты информировал о публикации первого в Советском Союзе «описания лагерной жизни»: повесть «неизвестного писателя содержит шокирующее изображение невинных людей, обреченных на ужасающие страдания в мрачной ледяной Сибири». И. Линдмаркер утверждал, что появление «Одного дня Ивана Денисовича» знаменует собой «высшую точку в либерализации культурной жизни в советской стране и, без сомнения, является поворотным пунктом литературного процесса. Внезапно открылись шлюзы...»² (SD, 21.11.1962, s. 23). Хрущевская оттепель опьяняла, и шведский журналист заверял, что Солженицын «ничем не рискует, публикуя свои откровения. Его произведение еще до публикации было встречено с энтузиазмом в рецензии Константина Симонова в “Известиях” и было напечатано с предисловием поэта Александра Твардовского, главного редактора “Нового мира”, несколько лет назад отвергнувшего “Доктора Живаго” Пастернака» (SD, 21.11.1962, s. 23). Дав читателям почувствовать своеобразие повести в нескольких переведенных фрагментах, журналист замечает,

1 Далее сокращено в круглых скобках SD и DN.

2 Переводы со шведского языка здесь и далее принадлежат автору статьи.

что наряду со стихами Евг. Евтушенко, опубликованными в «Правде», повесть Солженицына «когда-нибудь, безусловно, будет рассматриваться как эпохальное явление».

Тот же И. Линдмаркер несколько дней спустя (SD, 3.12.1962, s. 5) попытался осмыслить «Один день Ивана Денисовича» — повесть, «которая по многим причинам должна обрести международное признание». В повести нет ничего сенсационного, замечает журналист, но шведскому читателю следовало бы побыстрее познакомиться с ней и узнать, наконец, что же действительно происходило и происходит в «Союзе»: «Это правда, которой так жаждал читатель, по крайней мере, правда о прошлом. <...> “Один день Ивана Денисовича” событие одновременно политическое и литературное» (SD, 3.12.1962, s. 5).

«Один день Ивана Денисовича» вышел по-шведски в переводе Рольфа Бернера (Berger) осенью 1963 г. [7]³. Литературные вкусы газеты между тем тяготели к иной прозе — она публиковала в переводе на шведский рассказы Юрия Казакова и Константина Паустовского, развернутые интервью с полюбившимся шведам Евгением Евтушенко и с еще одним молодым поэтом, Андреем Вознесенским. Однако имя А.И. Солженицына возникло еще летом 1963 г. в рубрике «Из осеннего книжного потока» (т. е. готовящихся к выходу книг); стоит привести полностью список, в котором оно оказалось, — этот список больше всего напоминает шорт-лист номинаций на Нобелевскую премию: Карен Бликсен, Уильям Фолкнер, Джон Стейнбек, Сэмюэль Беккет, Александр Солженицын, Грэм Грин, Чарльз Перси Сноу, Айрис Мёрдок и Мюриэл Спарк (SD, 21.7.1963, s. 5). Издательство «Вальстрём и Видстранд» («Wahlström & Widstrand») в том же году выпустило «Две повести» («Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка» [8] наряду со «Звездным билетом» В.В. Аксенова и сборником «Молодые русские поэты», включавшим стихи Евтушенко, Ахмадулиной, Рождественского, Окуджавы и Вознесенского (SD, 14.12.1963, s. 15).

В середине 1960-х гг. литературный интерес к советской литературе окончательно сменяется чисто политическим. В 1965 г. присудили Нобелев-

3 Когда А.И. Солженицын стал нобелевским лауреатом, повесть перевели заново, и в этом переводе она выдержала множество переизданий: Solzhenitsyn A. En dag i Ivan Denisovitjs liv / Övers. Hans Björkegren. 1.–4. uppl. 131 s. Sthlm: Wahlström & Widstrand, 1970. 5.–6. uppl. 1971–72. 7. uppl. 1974. (W & W-serien. 242.) Ny utg. 1982. Ny utg. 1987. (W & W pocket.) Ny utg. 1991. (Alla Tiders klassiker).

скую премию М.А. Шолохову, что вызвало шквал дискуссионных выступлений в шведской печати (подробно разобранных нами, см.: [1, с. 502–601]). С Шолоховым европейский читатель связывал только старое, консервативное, отжившее: со страниц шведских газет все чаще смотрело другое лицо, и Свен Вальмарк⁴, лучший знаток современной России, обозреватель газеты «Дагенс нюхетер», заговорил о другой, новой литературе — о «смертельной правде» книг А.И. Солженицына (DN, 8.11.1968, s. 4). Увенчание Шолохова в Стокгольме и дело А. Синявского и Ю. Даниэля в Москве на время вытесняют имя Солженицына из шведской прессы. Но в мае 1967 г. в Москве состоялся IV Всесоюзный съезд Союза советских писателей, и обращением к съезду Александр Солженицын встряхнул не только собратьев по перу в своей стране; его письмо о свободе слова и цензуре резонировало по всему миру. Очень подробно оно было пересказано и в «Свенска дагбладет» (SD, 5.6.1967, s. 4). Тучи сгустились над писателем годом позже, в трагическом 1968 г. И. Линдмаркер — к тому времени шеф-редактор уже не московского, а нью-йоркского бюро газеты — передает корреспонденцию «Советский роман: научная работа в тюрьме» (SD, 14.09.1968, s. 6). Некогда русский писатель произнес знаменательное «Вся Россия — наш сад»; теперь пришло время описывать «сталинскую Россию как одну громадную тюрьму»: роман Солженицына «В круге первом» попал на Запад через мятежную Чехословакию. В переводе на шведский язык этот роман увидел свет годом позже, чем «Раковый корпус» [5], но выдержал множество изданий [6]⁵.

Одной из ключевых фигур в знакомстве шведской аудитории с творчеством Солженицына стал Свен Вальмарк. Его обстоятельные статьи в «Дагенс нюхетер» не просто знакомили читателя с новыми книгами «писателя-бунтаря», но и раскрывали контекст советской действительности, культурной и идейной атмосферы. В 1968 г. С. Вальмарк сначала расска-

4 Свен Вальмарк (Vallmark; 1912–1988) — шведский переводчик, журналист (в том числе радиожурналист); в 1950–1960-е гг. считался одним из главных знатоков России, с 1953 г. был постоянным автором «Дагенс нюхетер», писал на самые разные темы о Советском Союзе. Русский язык выучил самостоятельно и рассказывал своим слушателям и читателям о стране, в которой никогда не был (в 1959 и в 1960 гг. ему отказали в визе), неизменно вызывая своими публикациями гневную реакцию шведских коммунистов. Перевел с русского языка около двух десятков книг, в том числе А.И. Солженицына («Раковый корпус» и «Архипелаг ГУЛАГ», в соавторстве).

5 Sthlm: Wahlström & Widstrand, 1969. 1.–3. uppl. 615 s. Sthlm 1970. 5.–6. uppl. 1971–72. 7. uppl. 1974. Ny utg. 1974. Ny utg. 1984.

зал на страницах газеты о дискуссиях среди советских писателей по поводу публикации «Ракового корпуса», приведя обширные цитаты из романа в собственном переводе на шведский язык (DN, 16.10.1968, s. 4), а затем подробно представил книгу, изданную «во французском издательстве YMCA-press». Именно в этой статье, буквально озаглавленной «До смерти правдиво», особенно отчетливо сформулировано то, что так потрясло Швецию, да и весь Запад: «В онкологической клинике, которую описывает Солженицын, открываешь совсем другой, чем официальный, советский мир...» (DN, 8.11.1968, s. 4).

Для Свена Вальмарка в Александре Солженицыне интересно всё — его жизнь («ничего подобного нет за плечами ни у кого из ныне здравствующих писателей»), его первые публикации («Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире»), споры о нем советских писателей (приведена цитата из письма А.Т. Твардовского К.А. Федину), — так что к рассмотрению собственно «Ракового корпуса» критик обращается лишь в середине обстоятельной статьи, занимающей половину газетной полосы и снабженной портретом автора романа. Обрисовав место действия и дав характеристики главным героям, Вальмарк замечает:

Их разговоры друг с другом и с многими прочими — посетителями, нянечками, медсестрами и врачами — составляют главное содержание книги. Техника несколько напоминает ту, которую Томас Манн использовал в «Волшебной горе», но несравнима правда, о которой повествует Солженицын, голая и ужасная. Роман Томаса Манна — это виртуозное литературное произведение, взгляд со стороны. Солженицын повествует о живых и мертвых, к которым сам принадлежит плотью и кровью. Томас Манн вращается среди сливок общества, обитателей роскошного санатория, известных ему в первую очередь по сообщениям жены. Солженицын погружает в атмосферу обычной больничной палаты, заполненной более или менее тяжелыми онкобольными (DN, 8.11.1968, s. 4).

Но даже не герои и не литературные приемы поражают переводчика и критика, а простой вопрос, пульсирующий на протяжении всего романа во всех громких спорах и потаенных мыслях, в диалогах и монологах героев: «зачем живет человек?» (DN, 8.11.1968, s. 4). Свен Вальмарк совершенно

очевидно потрясен и так сильно захвачен эмоционально, что рассуждения о литературных приемах кажутся ему ненужными, неуместными, он торопится процитировать хотя бы самые тронувшие душу мысли и замечания — не персонажей романа, а «до крови» живых людей, выведенных в нем.

Солженицына принято сравнивать со Львом Толстым и Достоевским. Но это излишне и только отталкивает. Довольно того, что есть Александр Солженицын, литературный гений, и страшная жизнь, о которой он рассказывает. Возможно, самое странное в его произведениях — это, вопреки всему, убежденность в возможности более человеческого мира. Только бы лучшие люди имели мужество отвечать этой убежденности. У Солженицына оно есть (DN, 8.11.1968, s. 4).

В воскресном выпуске от 19 октября 1969 г. газета «Дагенс нюхетер» разместила материал Свена Халлена (Hallén) «Не получившие Нобелевской премии» (DN, 19.10.1969, s. 1). Десять фотографий писателей — мировых знаменитостей. Каждый снабжен как развернутой, так и лаконичной характеристикой: Клод Симон — «художник слова»; Андре Мальро — «passé⁶ несмотря на воспоминания»; Алан Пэйтон — «либерал из Южной Африки»; Джузеппе Унгаретти — «компромиссное решение?»... В списке — двое русских: Владимир Набоков («успех сексуальной книги преодолен») и Александр Солженицын, чье имя открывает дайджест-размышление о том, «кто станет нобелевским лауреатом в этом году». «Жесткий выбор после Пастернака», справедливо полагает шведский журналист, считающий автора «Одного дня Ивана Денисовича» равным Достоевскому: «Но нет, русский фрондер совершенно невозможен после катастрофы с Пастернаком и согласованного Шолохова». Нобелевская премия в 1969 г. была присуждена «слишком мрачному» Сэмюэлю Беккету.

Однако в ноябре та же газета констатирует, что прессу весь месяц заполняет имя другой «мировой знаменитости» — Александра Солженицына; на страницах «Дагенс нюхетер» его представляет (хотя и с неизбежными неточностями) Свен Вальмарк и предлагает вниманию читателей некоторые из солженицынских миниатюр («крохоток») в своем переводе на швед-

6 Устаревший, полинявший (франц.).

ский язык (DN, 30.11.1969, s. 4). Осенью 1969 г. события складывались для Александра Солженицына драматически, и «Свенска дагбладет» волновала читателя изложением московских тревог писателя, подписывая материал о грозящем ему выдворении из Советского Союза (SD, 26.11.1969, s. 11) сразу двумя именами — информация приходит от шефа московской редакции газеты Пера Эгиля Хегге (Hegge)⁷, тогда как статья с подробным разбором ситуации принадлежит Йонни Флудману (Flodman). На следующий день «дело против Солженицына» обрастает новыми подробностями: (SD, 27.11.1969, s. 4), а еще день спустя читатели главной шведской газеты узнают о «жестком приговоре» М.А. Шолохова «литературным вредителям» (SD, 28.11.1969, s. 9). Под фотографией нобелевского лауреата 1965 г. подпись не менее жесткая: «Михаил Шолохов — литературная чума».

За несколько лет стало ясно, что Солженицын — «один из величайших писателей нашего времени», и с этого уже бесспорного утверждения Кай Лундгрэн (Lundgren) начинает в марте 1970 г. свое подробное рассмотрение пьесы «Олень и шалашовка», «напечатанной с рукописи в Англии и США» [4].

Летом 1970 г. «Свенска дагбладет» констатировала, что оттепель закончилась, «реабилитации репрессированных в сталинское время пришел конец» (SD, 27.6.1970, s. 4). В начале сентября 1970 г. на «Литературной странице» «Свенска дагбладет» (SD, 6.09.1970, s. 23) в рубрике «Бинокль» Оке Янсон (Janzon) предложил целый список возможных кандидатур на Нобелевскую премию по литературе:

В последний четверг октября Восемнадцать <членов Шведской академии> собираются для исполнения тяжелой ежегодной работы, которую возложил на них еще в прошлом столетии остроумный донатор <Альфред Нобель>. Знал ли он с самого начала, что затевает, или под премию он заложил все тот же динамит, ведь точнейшие справочники насчитывают около пятидесяти национальных литератур только в Европе и Америке.

О. Янсон рассуждает о том, как расширились литературные границы мира, когда читатель познакомился с Рабиндранатом Тагором или с япон-

7 Норвежский журналист работал в Москве сразу на несколько скандинавских изданий.

скими прозаиками, когда писатели из Латинской Америки буквально оттеснили представителей стран, которым досталась львиная доля премий, — двенадцать французам, по шесть англичанам, немцам и американцам, по четыре лауреата насчитывали Италия и Швеция. Русских писателей — нобелевских лауреатов было к 1970 г. только трое, и каждое из присуждений сопровождалось тем или иным скандалом: Бунин (1933) стал первым апатридом в истории нобелевских наград, Пастернак был вынужден отказаться от премии под давлением государственного идеологического пресса, Шолохов получил премию в контексте самой жесткой критики его убеждений и его выступлений [1, с. 5].

Кого же прочит в лауреаты года осведомленный, но, разумеется, погрузившийся в пучину спекулятивных гаданий журналист respectable газеты? «Африка еще не попала на нобелевскую карту», — размышляет он, путешествуя по знакомому, но все время расширяющемуся литературному атласу; перечисление стран и имен занимает треть столбца. Но поиски достойнейшего сходятся к одной точке, фокусируются в конце статьи на одном имени:

Восемнадцати и в самом деле приходится выбирать из великого множества, даже в непосредственной близости. Наверное, стоит немного подождать, чтобы выстроились по рангу американские писатели новой генерации: <Норман> Мейлер, <Джон> Чивер, <Сол> Беллоу, <Филип> Рот, <Уильям> Стайрон, <Джон> Апдайк. И сохранять спокойствие, пока власть имущие в Москве не спохватятся и не заткнут кляпом рот такому писателю, как Александр Солженицын.

На этом грозном предостережении «преднобелевские» размышления О. Янсона завершаются. Между тем они, как кажется, и были написаны ради одной этой заключительной фразы, прямо обращенной к Нобелевскому комитету и даже ко всей Шведской академии (к Восемнадцати — по числу ее членов), ведь Оке Янсон был обозревателем, пишущим на русские (советские) темы, в том числе о современной русской литературе. Последнюю фразу накануне ежегодного вердикта Нобелевского комитета можно расценивать как возмущенный вопрос: чего же вы ждете? Пока свободному писателю на родине запретят писать и издаваться? В активе у критика были отклики и на присуждение Нобелевской премии советским писателям в пре-

дыдущие годы: в 1958 г. он опубликовал статью «Подготовительные шаги Пастернака» о первых набросках к роману «Доктор Живаго», сопроводив ее трогательной фотографией поэта на лавочке в осеннем переделкинском саду (SD, 5.12.1958, s. 14); а в 1965 г. в очерке «Академия сюрпризов» отметил, что «восемнадцать угодливых шведских господ» во всей современной мировой литературе отыскивали, наконец, автора написанных три десятка лет назад книг и увенчали «представителя социалистического реализма, о котором мечтал некогда Горький» (SD, 16.10.1965, s. 4).

Если бы Шведская академия ставила себе цель присудить награду достойнейшему писателю и при этом отметить различные эстетические тенденции в русско-советской литературе, то премию уже в первые послевоенные годы можно было разделить между Пастернаком и Шолоховым, избежав громких политико-идеологических скандалов с далеко идущими последствиями. Пожелание Альфреда Нобеля было бы воплощено в полной мере через примирение творческих личностей, партийных и общественных интересов, народов и культур. Но основоположник премии и впрямь был наивен, мечтая поощрить «идеальное направление» и устремить по нему весь мир. Присуждая премию Пастернаку, меньше всего думали о его творчестве, художественных достижениях, о его стихах и прозе; кто задумывался, что переживания приводят поэтов к «полной гибели всерьез». Достойны премии были и Пастернак с Ахматовой, изумительные лирики советской эпохи, и Шолохов, непостижимый автор «черного солнца», убежденный коммунист, оставивший своего героя одиноким на распутье между белым и красным Доном... И охотник за бабочками, автор «Лолиты»... Но изысканная прелесть русской поэтической речи, грубая мощь или изощренная игра русской прозы — материал для истории русской литературы XX в., размышлений и споров исследователей. Русские авторы в истории послевоенной Нобелевской премии по литературе оказались лишь фигурами в очередной политической рокировке эпохи холодной войны.

Нобелевская премия по литературе была присуждена А.И. Солженицыну 9 октября 1970 г. В шведской прессе спокойно отнеслись к разразившейся в Москве буре с обвинениями в адрес Нобелевского комитета:

Это примерно то, чего и стоило ожидать в качестве первой официальной реакции на присуждение премии. Интересно, что убежденность, будто

Солженицын получил премию по политическим причинам, разделяется не только теми, кто не согласен с решением: даже те советские граждане, которые считают, что премия присуждена правильно и заслуженно, не желают согласиться с тем, что писателя наградили не по политическим, а по чисто литературным соображениям (SD, 9.9.1970, s. 4).

«Я сам получу премию!» звучало обнадеживающе; подзаголовок материалов о свежееиспеченном лауреате в «Дагенс нюхетер» гласил: «Признание в Швеции. Молчание в Москве» (DN, 9.9.1970, s. 8). В интервью газете деятели шведской культуры, литераторы и журналисты подчеркивали заслуженное мировое признание русского писателя и даже, как редактор литературного журнала издательства «Боньер» (Bonnier) Ларс Густафссон (Gustafsson), уверяли, что академики «впервые наградили по-настоящему большого писателя» (DN, 9.9.1970, s. 8). И только Свен Вальмарк выразил надежду, что Солженицына прочтет когда-нибудь и стомилионный советский читатель. Переводчик «Ракового корпуса» подчеркнул, что считает Солженицына «не только крупным моральным авторитетом, но и блестящим художником слова», отчеканив: «Труды его будут жить» (DN, 9.9.1970, s. 8).

Всего месяц спустя после предупреждения Оке Янсона «Свенска дагбладет» радостно возвестила: «Только нам удалось пообщаться с Солженицыным: “Приеду, если это зависит от меня, — я здоров”...» (SD, 9.10.1970, s. 1). О. Янсон ошибся лишь в одном — Восемнадцать сделали в тот год свой выбор во второй четверг октября, а в пятничном номере норвежский корреспондент в Москве П.Э. Хегге (он возглавлял московское бюро нескольких скандинавских газет) уже вздохнул рассказывая о своем телефонном разговоре с Солженицыным:

Он говорил все время медленно и четко, и беседа была дружественнее, чем может передать текст, когда его читаешь. Когда он задал первый вопрос, «Откуда вы узнали?», в голосе его слышалось напряжение. Потом во время разговора он казался спокойным и довольным. Его голос звучал довольно легко, и то, как он говорил, выдавало в нем человека, который привык взвешивать свои слова (SD, 9.10.1970, S. 1).

Личности и творчеству нобелевского лауреата 1970 г. в этом номере «Свенска дагбладет» было отведено несколько страниц (3–5 и 7). А 10 декабря, когда Стокгольм принимал свежееиспеченных лауреатов, вновь — как в случае с Пастернаком — не дождавшись увенчанного нобелевскими лаврами писателя из Советского Союза, «Свенска дагбладет» отвела опальному в родной стране нобелевскому лауреату всю полосу «Культура» (SD, 10.12.1970, s. 5; объемная статья И. Линдмаркера «Хрущов и Солженицын» и представление шведского перевода принадлежащей перу Дьёрдя Лукача (Lukács) книги о творчестве писателя [3]). Предлагая вниманию читателя книги самого нобелевского лауреата, газета процитировала набранные полужирным шрифтом следующие слова Кнута Анлунда (Ahnlund) — литературоведа и литературного критика, с 1970 г. — эксперта Нобелевского комитета (и члена Шведской академии с 1983 г.):

То, что в этом году Шведская академия присудила Александру Исавичу Солженицыну премию, наполняет такой живой силой слова завещания <Альфреда> Нобеля, как никогда прежде за всю шестидесятидевятiletнюю историю ее присуждения⁸. Перед лицом этого крупномасштабного, подлинно высокого и правдивого творчества на службе человечества и во благо человечества старые правила внезапно обрели и содержание, и смысл. Человеческое и литературное величие редко являлось в более плодотворном и целостном виде. В изображении человека, в представлении людских судеб Солженицын приближается к величайшим русским писателям (SD, 10.12.1970, s. 5).

На следующий день, объявив, что на нобелевский банкет собралось невиданно много гостей (130 человек), газета назвала материал именем главного виновника торжества: «Отсутствие Солженицына омрачило праздничный блеск» (SD, 11.12.1970, s. 7). Однако в программе банкета было предусмотрено особое «приветствие» Александру Солженицыну — глава Нобелевского комитета Карл Рагнар Гиров (Gierow) произнес речь в

8 Альфред Нобель скончался в 1896 г., решение организационных вопросов, связанных с его уникальным завещанием, потребовало пяти лет. Нобелевскую премию присуждают с 1901 г., и все это время Шведская академия, на которую возложена миссия присуждения премии по литературе, подвергается жесточайшей и часто справедливой критике за свой ежегодный выбор. Подробно о завещании и о спорах о его формулировке в отношении литературы — «награждать идеальное произведение» — см.: [2].

его честь, а «присутствовавшие на банкете разразились аплодисментами в честь нобелевского лауреата по литературе»: «10 декабря 1970 года. Один день из жизни Александра Солженицына. Он мог бы оказаться совершенно иным» (SD, 11.10.1970, s. 7).

Александра Исаевича Солженицына Стокгольм прождал еще четыре года. Но он ждал не просто гостя или изгнанника — он ждал нобелевского лауреата.

То, что выбор в его пользу был сделан отнюдь не единогласно, стало очевидно после признаний Артура Лундквиста (Lundkvist), «коммуниста в Шведской академии», как его аттестовала газета «Дагенс нюхетер». Получив Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» в 1957 г., накануне провозглашения нобелевским лауреатом Бориса Пастернака — что подлило масла в огонь в контроверзы 1958 г., — писатель стал членом академии десятилетие спустя, в 1968 г. «Лундквист пытается остановить Солженицына», — выстреливала заголовком газета (DN, 26.10.1970, s. 1). Чему же противился А. Лундквист? Тому, что выбор был сделан «по политическим соображениям», как он признался корреспонденту «Коррьере делла сера» («Corriere della sera») в Москве, итальянскому журналисту Пьетро Сормани (Sormani): очевидно, что в Швеции это заявление не нашло бы понимания — шведская интеллигенция вполне единодушно поддержала выбор академии, одобряя его вопреки тому, что политика явно одержала верх над литературой. Это был «гуманитарный» выбор: в пользу гонимого на родине писателя и в знак солидарности с жертвами тоталитаризма в СССР.

Напротив, Карл Рагнар Гиров, давший некогда самое глубокое и тонкое обоснование присуждению премии Шолохову [1, с. 524–525], и в 1970 г. твердо отстаивал решение Нобелевского комитета, заявив, что Солженицына как писателя «трудно низвергнуть». Гиров, председатель Нобелевского комитета, наглядно показал, как беззастенчиво советские газеты манипулируют мнениями и оценками; напомнив слова особенно преуспевшего в конъюнктуре критика В.В. Ермилова об «Одном дне Ивана Денисовича» (статья «Во имя правды, во имя жизни»), Гиров подчеркивает верность и неизменность этих позабытых советской пропагандой слов для творчества Солженицына в целом — он «творит с Толстым в мыслях».

В Швеции подобный масштаб Солженицына был общепризнанным фактом, прежде всего благодаря обстоятельным и неизменно заостренным

идеологически рецензиям С. Вальмарка на страницах «Дагенс нюхетер». В частности, его статья «Описание советской преисподней: свободные споры в тюрьме» о романе «В круге первом» завершалась так:

Александра Солженицына сравнивают со Львом Толстым и с Достоевским. Его называют крупнейшим из ныне живущих в Советском Союзе прозаиков и даже самым крупным из писателей нашего времени, несущим наследственный ген великой русской повествовательной традиции (DN, 15.7.1968, s. 3).

Цитируя Александра Исаевича — «ни один режим не любил великих писателей, предпочитая им незначительных», — знаток России резюмирует:

И он сам тому вернейшее доказательство. Он поистине великий писатель.

Список литературы

- 1 Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.
- 2 Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Böhlau, 2007. 626 S.
- 3 Lukács G. Solzjenitsyn. Stockholm: Rabén och Sjögren, 1970. 112 s.
- 4 Lundgren K. [Rec.:] Solzhenitsyn A. The Love-girl and the Innocent. 1969; 1970, Farfar, Straus and Giroux // SD. 7.3.1970. S. 5.
- 5 Solzhenitsyn A. Cancerkliniken [Övers. från ryska av Eva Thomson-Roos och Sven Vallmark]. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1972. 479 s.
- 6 Solzhenitsyn A. Den första kretsen [Övers. av Hans Björkegren]. Stockholm : Wahlström & Widstrand, 1970. 615 s.
- 7 Solzhenitsyn A. En dag i Ivan Denisovitjs liv [Övers. Rolf Berner]. Stockholm: Arena, 1963. 191 s.
- 8 Solzhenitsyn A. Två berättelser [Övers. Kurt Johansson]. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1963. 154 s.

References

- 1 Marchenko T.V. Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)
- 2 Marchenko T.V. Russkie pisateli i Nobelevskaia premiia (1901–1955) [Russian writers and the Nobel Prize (1901–1955)]. Köln; München, Böhlau, 2007. 626 p. (In Russ.)
- 3 Lukács G. Solsjenitsyn. Stockholm: Rabén och Sjögren, 1970. 112 s. (In Swedish)
- 4 Lundgren K. [Rec.:] Solzhenitsyn A. The Love-girl and the Innocent. 1969; 1970, Farfar, Straus and Giroux. SD. 7.3.1970. S. 5. (In Swedish)
- 5 Solzhenitsyn A. Cankerkliniken [Övers. från ryska av Eva Thomson-Roos och Sven Vallmark]. Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1972. 479 s. (In Swedish)
- 6 Solzhenitsyn A. Den första kretsen [Övers. av Hans Björkegren]. Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1970. 615 s. (In Swedish)
- 7 Solzhenitsyn A. Två berättelser [Övers. Kurt Johansson]. Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1963. 154 s. (In Swedish)
- 8 Solzhenitsyn A. Två berättelser [Övers. Kurt Johansson]. Stockholm, Wahlström & Widstrand, 1963. 154 s. (In Swedish)